

И.А. Тихонюк,
преподаватель
«Детской музыкальной школы № 5»

**Методическая разработка урока
музыкальной литературы**

**«К.Н. Игумнов – основатель одной из
ветвей русской пианистической школы»**

Творческий путь К.Н. Игумнова

К.Н. Игумнов был человеком редкого обаяния, доброты и благородства. Никакие почести и слава не могла поколебать его глубочайшей скромности. В нём не было и тени тщеславия, которым подчас страдают некоторые артисты. Искусство его заключало в себе лучшие черты русской художественной культуры, оно было сильно своей глубокой жизненной правдой. В нём не чувствовалось ничего нарочитого, ложного, надуманного. ради красоты эффекта, ради поверхностного блеска он никогда не поступался художественным смыслом. у него был исключительно богатый внутренний мир, своя техника, свои художественные приёмы.

Константин Николаевич прожил большую яркую и содержательную жизнь, свыше 50-ти лет он выступал как пианист, почти столько же лет учил играть других. Он воспитал несколько поколений пианистов, из которых многие получили широкое признание.

Подобно многим русским артистам и художникам, Игумнов провёл свои детские годы в провинции. Он родился 19 апреля 1873 года в городе Лебедяни Тамбовской губернии. Дом Игумновых был одним из немногих, где сосредотачивалась культурная жизнь города. В семье царил культ Бетховена, Моцарта, Пушкина. Музыкальная одарённость проявилась очень рано: в четырёхлетнем возрасте он начал заниматься музыкой со своей домашней учительницей А.Ф. Мейер, а через три года выступал публично.

Большие музыкальные успехи сына заставили родителей отправить его в 1887 году на учёбу в Москву. Здесь Игумнов впервые попадает в атмосферу яркой, богатой музыкально-театральными и художественными событиями жизни: симфонические концерты под управлением П.И. Чайковского, концерты Антона Рубинштейна, искусство Шаляпина, Ермоловой, Третьяковская галерея – все эти впечатления юноша впитывает необычайно остро и глубоко. Огромный интерес к отечественному культурному наследию накладывает отпечаток на всю его дальнейшую творческую жизнь.

Первым учителем К.Н. Игумнова был Н.С. Зверев – выдающийся педагог, из класса которого вышли Рахманинов, Скрябин, Зилоти. Игумнов сделал у него столь значительные и быстрые успехи в фортепианной игре, что уже через год (в 1888 году) смог поступить в Московскую консерваторию в класс А.И. Зилоти. Проучившись три года у Зилоти, Игумнов перешёл к П.А. Пабсту, у которого и окончил полный курс. особенно благотворным для Константина Николаевича оказалось то, что он одновременно занимался по теории композиции у с.И. Танеева и А.С. Аренского и в камерном классе у В.И. Сафонова. Эти музыканты, по его собственному признанию, на многие годы определили направленность его мысли, его художественные идеалы.

В мае 1894 год, будучи также студентом университета, Игумнов блистательно окончил Московскую консерваторию с золотой медалью. Перед молодым артистом открылось широкое поле деятельности, его

дарованием восхищались, ему предсказывали большое будущее. К этому же периоду относятся его встречи с Л.Н. Толстым, который высоко ценил игру пианиста. С тех пор К.Н. Игумнов постоянно концертировал, а в 1899 году был приглашён в число профессоров Московской консерватории. С этого момента вся его артистическая и педагогическая деятельность неразрывно связана с художественной жизнью Москвы.

Великий пианист

По свидетельству современников, К.Н. Игумнов был пианистом с неповторимо своеобразной художественной индивидуальностью. Игумнов-пианист обладал даром заглядывать в сокровенные тайники человеческой души и делать это с удивительной деликатностью, «позволяющей любому сердцу охотно и просто раскрываться навстречу его искусству». Его игра воспринималась словно серьёзная и задушевная речь давно знакомого, близкого человека. В этом смысле она по природе своей, по всей направленности чувства оказывалась сродни самому духу так нежно любимого Игумновым творчества Чайковского.

Игумнова определяют как ярко выраженного представителя романтического направления в пианизме. Основу игумновского репертуара составляли Л. Бетховен, Ф. Шуберт, Ф. Мендельсон, Ф. Шопен, Р. Шуман, Ф. Лист, а в русской музыке – П. Чайковский, С. Рахманинов, А. Скрябин.

Слушание: Л. Бетховен. Соната № 7 Ре-мажор, I часть (фрагмент) в исполнении К. Игумнова.

Игумнов умел по-особому вслушиваться в исполняемую музыку, с предельной отчётливостью слышал каждый звук в музыкальной ткани. Он очень любил говорить: «Раньше, чем не услышите – не играйте дальше».

Диапазон звучности его рояля был очень большой – от форте, прокатывавшегося по залу мягкой и гулкой волной, до нежнейшего невесомого пианиссимо. И главное заключалось даже не в степени силы, а в тембровых качествах игумновского звука. Он достигал здесь, казалось бы, невероятного и невозможного. Игумнов разработал особую систему приёмов звукоизвлечения. «Мало кто мог соперничать с Игумновым в красоте звука, отличавшегося необыкновенным богатством колорита и удивительной певучестью», – отмечает Я. Мильштейн. Под его руками рояль приобретал свойства человеческого голоса. Благодаря какому-то особому прикосновению, как бы слиянию с клавиатурой, а также благодаря тонкому применению педали, он извлекал звук редкого обаяния.

К.Н. Игумнов не был всеядным исполнителем. Он оставался верен себе «Если композитор мне чужд и его сочинения лично мне не дают материала для исполнительского творчества, я не могу включить его в свой репертуар». И тут надо особо выделить обращение пианиста к русской фортепианной классике, и в первую очередь к творчеству П. Чайковского. Можно сказать,

что именно Игумнов возродил на концертной эстраде многие сочинения великого русского композитора.

Слушание: П.И. Чайковский, Большая соната Соль-мажор, соч. 37 – финал (фрагмент) в исполнении К. Игумнова.

К.Н. Игумнов совершенствовал своё исполнительское мастерство непрерывно в течение всей жизни. Лишь очень немногие могут сказать о себе так, как сказал Игумнов в день 45-летия своей исполнительской деятельности: «Только теперь я начинаю понимать, как надо играть на фортепиано. До сих пор я в сущности больше пробовал, размышлял, искал». Ещё более поразительна фраза, сказанная им за несколько дней до смерти: «Хочется жить, ведь так много осталось неделанного».

Слушание: Ф. Шопен. Соната № 3 си-минор, II часть – скерцо (фрагмент) в исполнении К. Игумнова.

Учитель и ученики

Константин Николаевич был художником глубоко искренним. Фальшивость чувств он не признавал ни в жизни, ни в искусстве. Столь же искренним был он и в своей педагогической деятельности. «Строгий и требовательный к себе, Игумнов был требователен и к своим ученикам. Проницательный в оценке их сил и возможностей, он постоянно учил художественной правде, простоте и естественности выражения». Он учил речевой выразительности, певучему, лёгкому звуку, пластичности и рельефности фразировки. Он учил «живому дыханию» музыкального исполнения.

Константин Николаевич очень хорошо знал своих учеников, был проницателен в оценке их сил и возможностей; он не подавлял, а, напротив всемерно и всесторонне развивал их художественную индивидуальность. Он воспитывал в них способность наблюдать, вслушиваться, размышлять... Работа Константина Николаевича с учениками была кропотливой, отличалась необычайной тщательностью. Бывали случаи, когда он подолгу сидел с учеником над одной фразой, но зато потом всё шло уже по-иному.

Чтобы оценить педагогическую деятельность К.Н. Игумнова, достаточно назвать некоторых из его учеников: Н. Орлов, И. Добровейн, Л. Оборин, Я. Флиер, М. Гринберг, А. Иохелес, Н. Штаркман, М. Гамбарян. Все это концертирующие пианисты, снискавшие широкую известность.

К.Н. Игумнов начал преподавать вскоре после окончания консерватории, некоторое время был педагогом музыкального училища в Тбилиси (1898 – 1899 гг.), а с 1899 г. стал профессором Московской консерватории; в 1924 – 1929 годах был также её ректором. В общении с учениками Игумнов был далёк от какого бы то ни было догматизма, всякий его урок – живой творческий процесс. «Моя педагогика, – говорил он, – теснейшим образом связана с моим исполнительством, и это обуславливает отсутствие стабильности в моих педагогических установках». Может быть,

этим и объясняется удивительная несхожесть, порой контрастная противоположность игумновских «питомцев». Но, пожалуй, всех их объединяет благоговейное отношение к музыке, унаследованное от учителя.

Московский этюд

Всё наиболее значительное в жизни К.Н. Игумнова было связано с Москвой. Он любил старинную русскую архитектуру, русские города, и среди них с особенной нежностью – Москву. Он приехал в Москву, когда ему исполнилось 14 лет, и с тех пор никогда надолго не покидал её. Годы учёбы и педагогическая деятельность Игумнова связаны с Московской консерваторией. Долгие десятилетия он почти ежедневно приходил в один и тот же класс, который и сегодня все зовут «игумновским». Ни один московский концертный сезон не обходился без деятельного участия К.Н. Игумнова. Имя его можно прочесть на мраморной доске в консерватории рядом с именами С. Рахманинова и А. Скрябина.

на протяжении более чем полувека Игумнов был тесно связан с различными кругами передовой московской интеллигенции, не говоря уже о музыкантах, с виднейшими артистами, литераторами, художниками, учёными. Он был младшим современником П. Чайковского и С. Танеева, примерно ровесником С. Рахманинова, А. Скрябина, А. Метнера. Его артистическая индивидуальность складывалась во времена Мамонтовой оперы, начала деятельности К.С. Станиславского и всего первого поколения МХАТа, ермоловского поколения в Малом театре.

К.Н. Игумнов был очень привязан к Москве. Большую часть своей жизни он прожил в одном из уютных уголков старой Москвы – в одноэтажном домике на углу Сивцева Вражка и Плотникова переулков. Маршрут от дома до консерватории был в числе самых любимых им. Любил он и окрестности Москвы. Когда заканчивался очередной учебный год, часто случалось, что он вместе со всем своим классом отправлялся на большую загородную прогулку, куда-нибудь в Фили или Коломенское. Он хорошо знал такие места, чувствовал очарование их архитектуры, прелесть окружающих пейзажей. Игумнов не только отдал Москве свою жизнь – он принёс ей в дар свой талант.

3 декабря 1947 года прозвучал его последний концерт в Большом зале Московской консерватории. По свидетельству современников, играл он с большим настроением и самозабвением. Публика и не подозревала, что артист тяжело болен и что звучит его лебединая песня...

Константина Николаевича Игумнова по праву можно считать замечательным представителем московского направления русского исполнительского искусства. Как пианист, он в полной мере являлся приверженцем именно московской фортепианной школы.